

Б. П. Полевой

НАХОДКА ПОЛНОГО ТЕКСТА ЗАПИСКИ

П. Н. НАЗИМОВА О Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕ

В связи с приездом Н. Н. Миклухо-Маклая в Петербург «Новости и Биржевая газета» опубликовала 13 июня 1886 г. большую статью «Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею (По запискам контр-адмирала П. Н. Назимова)» за подписью «А. А-въ». Статья содержала немало любопытных сведений о деятельности выдающегося русского ученого с октября 1870 г. по сентябрь 1871 г., т. е. в тот период, когда он совершал плавание на корвете «Витязь», которым командовал П. Н. Назимов.

Автор статьи указывал, что сам П. Н. Назимов, «многоопытный в дальних плаваниях адмирал», предоставил любезно в его распоряжение свои «записки», которые содержали «многие интересные подробности» о деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая в 1870—1871 гг. В статье было отмечено, что этот источник содержит «так много уже полузабытых, пожалуй, самим г. Маклаем черт и подробностей, что восстановить их ввиду интереса, какой представляет личность прибывшего на родину натуралиста, мы считаем не лишним и поучительным...»

22 июня 1886 г. в газете «Русский курьер» некий «Н. Н. В.» весьма высоко оценил «извлечения из записок командира корвета, теперь младшего флагмана Балтийского моря, контр-адмирала Назимова».

Вновь о значении статьи «Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею» заговорили с 1939 г., когда А. Г. Грумм-Гржимайло в своей исключительно интересной статье¹ кратко пересказал содержание статьи 1886 г. Именно А. Г. Грумм-Гржимайло первым высказал предположение (неосторожно принятое многими авторами) о том, что «А. А-въ» будто был не кем иным, как военным писателем вице-адмиралом Авраамом Богдановичем Асланбеговым². Он-де мог подписаться «А. А-въ», да и был 22 ноября 1886 г. среди слушателей второй лекции Н. Н. Миклухо-Маклая в помещении Городской думы³. Но под псевдонимом «А. А-въ» скрывались многие журналисты той эпохи⁴. А. Б. Асланбегов таким псевдонимом не пользовался, да и трудно поверить, чтобы столь известный автор — и к тому же занимавший столь высокое положение в обществе согласился бы выступить в газете в роли пересказчика чужого текста. Поэтому пока ничего определенного нельзя сказать о том, кто же скрывался под псевдонимом «А. А-въ». Возможно, ответ на этот вопрос удастся найти в документах Петербургского цензурного комитета или в пока еще, к сожалению, необработанном личном фонде П. Н. Назимова, который имеется в рукописном отделе ленинградской Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. № 509).

¹ Грумм-Гржимайло А. Г. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи. — Изв. Гос. геогр. о-ва, 1939, вып. 1—2, с. 55—60, 135.

² Там же, с. 55.

³ Там же, с. 146.

⁴ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956, т. I, с. 66, 67.

В начале 1984 г. произошло неожиданное: в Центральном государственном архиве военно-морского флота (ЦГАВМФ) удалось обнаружить первоисточник статьи 1886 г. Им оказалась подробнейшая докладная записка П. Н. Назимова начальнику отряда судов в Тихом океане контр-адмиралу М. Я. Федоровскому. Сам П. Н. Назимов ее назвал: «Записка о пребывании натуралиста Миклухи-Маклая на корвете «Витязь» и о доставлении его на остров Новая Гвинея в залив Астролябия»⁵. Простое сопоставление текста записки со статьей «Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею» не оставляет никаких сомнений, в том, что «А. А-въ» именно ее положил в основу своего пересказа. И многое он переписал слово в слово.

В свое время газетная статья, подписанная «А. А-въ», принесла немалую пользу для биографов Н. Н. Миклухо-Маклая. Но в наше время она многим известна лишь по краткому пересказу в статье А. Г. Грумм-Гржимайло 1939 г. Получить подлинник статьи 1886 г. не так-то легко: его можно достать лишь в Москве и Ленинграде, да и к тому же не без некоторых трудностей. И как бы ни была интересна статья «А. А-въ» 1886 г., она, естественно, никоим образом не может заменить найденного теперь текста докладной записки самого П. Н. Назимова. Конечно, можно было бы еще раз пересказать текст найденной записки, но для всех серьезных исследователей неизмеримо важнее иметь не пересказ, а сам первичный текст, представляющий, безусловно, исключительно большой интерес для биографов Н. Н. Миклухо-Маклая.

Нетрудно убедиться, что текст записки гораздо полнее, чем пересказ «А. А-въ» 1886 г. Так, в записке точнее изложена история появления Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете «Витязь» и подробнее освещается история пребывания ученого в Южной Америке («А. А-въ», например, вообще обошел молчанием деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая в Бразилии). Любопытны подробные сведения о том, что предпринял П. Н. Назимов для того, чтобы моряки других стран заинтересовались судьбой Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее.

В целом же в записке дана самая обширная информация о деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая во время его плавания на корвете «Витязь» от Кронштадта до берегов Новой Гвинеи. Причем часть этих интереснейших сведений, к сожалению, не была отражена в известном пятитомном собрании сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая (1950—1954 гг.). В качестве примера можно указать на то, что ни в одном из томов собрания сочинений ни разу не было упомянуто о том, что во время пребывания в Чили Н. Н. Миклухо-Маклай подружился с чилийским национальным героем, многолетним ректором университета в Сантьяго геологом Игнацио Домейко, который даже счел своим долгом в местной печати опубликовать статьи о Н. Н. Миклухо-Маклае. Эти факты также остались неизвестными и многочисленным биографам самого И. Домейко⁶.

Вместе с тем приведенные в записке некоторые подробности открывают возможности и для новых архивных изысканий с целью дальнейших уточнений в биографии Н. Н. Миклухо-Маклая. Так, например, следует попытаться найти в делах инспекторского департамента морского министерства те официальные документы, которые дали возможность Н. Н. Миклухо-Маклаю отправиться на корвете «Витязь». Желательно также разыскать рекомендательные письма, которые Н. Н. Миклухо-Маклай передал руководителям морского ведомства. Новые полезные документы относительно деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая во время его трехнедельной поездки по Западной Европе в конце 1870 г. могут быть найдены в фондах русских дипломатических представительств (миссий и посольств) в Копенгагене, Берлине, Гааге и в Лондоне.

Несомненно, докладная записка П. Н. Назимова поможет исследователям лучше разобраться и в еще не изученном содержании записных

⁵ Центральный гос. архив военно-морского флота (далее — ЦГАВМФ), ф. 410, оп. 2, л. 3207, лл. 452—469.

⁶ См. ниже примечание 10 к тексту публикуемой записки.

книжек Н. Н. Миклухо-Маклая 1871 г. (они хранятся в Архиве Географического общества СССР).

Одновременно с находкой докладной записки П. Н. Назимова удалось разыскать и документы, которые помогли точно установить, чем же было вызвано ее составление.

Вот эти ранее неизвестные факты.

Еще 15 января 1872 г. управляющий морским министерством генерал-адъютант Н. К. Краббе направил командиру отряда судов на Тихом океане контр-адмиралу М. Я. Федоровскому распоряжение: после окончания навигации в северной части Тихого океана поздней осенью 1872 г. поручить одному из военных судов, возвращавшемуся с русского Дальнего Востока в Кронштадт, зайти к берегу Новой Гвинеи, где высадился Н. Н. Миклухо-Маклай⁷.

После того как 21 июля 1872 г. в газете «Кронштадтский вестник» появилось ложное сообщение о том, что Н. Н. Миклухо-Маклай будто бы умер от «злокачественной лихорадки»⁸, командир Кронштадтского порта С. С. Лесовский, в прошлом командующий тихоокеанской эскадрой, поспешил отправить в Нагасаки телеграмму с поручением М. Я. Федоровскому ускорить отправку русского военного судна к Новой Гвинее с тем, чтобы на месте узнать о судьбе Н. Н. Миклухо-Маклая⁹. Эта телеграмма была передана в Соединенные Штаты, откуда морем 6 августа 1872 г. доставлена в Нагасаки. Сразу же по ее получении Федоровский отправил через Николаевск-на-Амуре телеграмму во Владивосток командиру клипера «Изумруд» М. Н. Кумани с приказом срочно прибыть в Нагасаки¹⁰. Тогда же он приказал командиру корвета «Витязь» П. Н. Назимову представить ему докладную записку о пребывании Н. Н. Миклухо-Маклая на борту корвета с подробными сведениями о месте его высадки в заливе Астролябия. Он считал, что такая записка будет весьма полезной для командира клипера «Изумруд», которому он поручал розыск Н. Н. Миклухо-Маклая.

Свою записку П. Н. Назимов закончил 18/30 августа 1872 г. во время стоянки корвета «Витязь» в Нагасаки. Она произвела на М. Я. Федоровского весьма большое впечатление, и поэтому он решил ее копию срочно выслать в Петербург. 22 августа 1872 г. М. Я. Федоровский писал из Нагасаки в Петербург: «Распространившийся слух о смерти натуралиста Н. Н. Миклухо-Маклая... заставляет меня думать, что присылка докладной записки, поданной мне командиром корвета «Витязь» о пребывании Миклухо-Маклая на корвете от Кронштадта до высадки его в Новой Гвинее, будет представлять для всех значительный интерес»¹¹.

Судя по карандашным пометкам на найденной копии, ее текст кто-то подготавливал к печати. Подобные документы, исходящие из морского министерства, в те времена обычно печатались в «Кронштадтском вестнике». Но, видимо, в 1872 г. было решено повременить с публикацией записки до получения точных сведений о судьбе Н. Н. Миклухо-Маклая. После того как в середине февраля 1873 г. стало известно, что Н. Н. Миклухо-Маклай жив¹², печатать записку П. Н. Назимова в присланном виде уже было неудобно¹³.

⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3207, лл. 136—137.

⁸ Экспедиция Н. Н. Миклухо-Маклая и его кончина.— «Кронштадтский вестник», 1982, № 35.

⁹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 3207, л. 385.

¹⁰ Там же, л. 481.

¹¹ Там же, л. 451.

¹² См. Грумм-Гржимайло А. Г. Указ. раб. с. 67.

¹³ Возможно, сокращенный вариант этого текста был опубликован в «Кронштадтском вестнике» позднее. В «Изв. Гос. географического общества» (1939, № 1—2, с. 209) библиограф И. Мурзин дает ссылку: «Кроншт. вестн., 14 IV 1874, № 42 (Донесения командира «Витязя» о работах Н. Н. М.-М.)». В указанном номере такого донесения нет. Нет его и в других номерах газеты за 1872—1874 гг. Но ссылка Мурзина не могла быть произвольной: в каком-то из номеров газеты такая публикация вероятно была, но пока трудно сказать, что сна из себя представляла.

Шли годы. Слава Миклухо-Маклая продолжала расти. И становилось очевидным, что забытые любопытные сведения о его плавании на корвете «Витязь» в 1870—1871 гг. следует опубликовать. Поэтому П. Н. Назимов и решил в 1886 г. воспользоваться услугами некоего «А. А-въ», явно случайного пересказчика, который даже не понял, что он пользовался докладной запиской, а не «записками». К тому же из нее он многое необоснованно опустил. Это ясно видно при сравнении его статьи с публикуемым нами полным текстом докладной записки П. Н. Назимова.

Докладная записка подготовлена к публикации по «Правилам издания исторических документов в СССР», которые предусматривают передачу текста «с точным сохранением стилистических и языковых особенностей», но «в соответствии с современной орфографией и пунктуацией»¹⁴. Написание собственных имен дается по подлиннику. Необходимые исправления и пояснения даются в комментариях или прямо в тексте в квадратных скобках.

¹⁴ Правила издания исторических документов в СССР. М.: 1969, с. 24—25.

Записка о пребывании натуралиста Миклухи-Маклая на корвете «Витязь» и о доставлении его на остров Новая Гвинея в заливе Астролябия

В 1870 году в октябре при отправлении с вверенным мне корветом по назначению в Тихий океан я получил предписание инспекторского департамента морского министерства принять на корвет пассажира натуралиста Миклухо-Маклая для доставления его на остров Новая Гвинея¹.

При посещении корвета его имп. выс. генерал-адмиралом натуралист Миклуха-Маклай представил е. и. в. записку от вел. кн. Елены Павловны, в которой ее выс. просит генерал-адмирала поручить господина Маклая попечениям командира. Его имп. выс. по прочтении записки передал ее мне, сказав: «Я убежден, что ты сделаешь все для него и потому поручаю тебе выполнить просьбу ея высочества» (записка эта хранится в Петербурге как документ)².

27 октября после смотра, произведенного корвету главным командиром Кронштадтского порта генерал-адъютантом Лесовским³, в его присутствии снялся с якоря.

2 ноября прибыл в Копенгаген. Здесь натуралист Миклуха-Маклай съехал с корвета на берег с целью отправиться в Берлин, Мюнхен, Брюссель, Амстердам, Гаагу и другие города для приобретения книг, инструментов и для свидания со многими учеными, преимущественно по зоологии, чтобы получить некоторые наставления в предстоящем ему путешествии. Во время стоянки корвета в Копенгагене господин Миклуха-Маклай имел время посетить многих датских ученых, которые, сочувствуя смелым его предприятиям, распространили в газетах о присутствии на копенгагенском рейде русского корвета «Витязь», который имеет назначение отправиться к малоиз-

¹ Это предписание было дано после того, как 30 мая 1870 г. Александр II разрешил отправить Н. Н. Миклухо-Маклая на военном судне «Витязь».

² В. кн. Елена Павловна, вдова в. кн. Михаила Павловича, проявила большой интерес к сообщению П. П. Семенова-Тян-Шанского о намерении Н. Н. Миклухо-Маклая отправиться на о. Новая Гвинея. По ее приглашению Н. Н. Миклухо-Маклай провел несколько дней в ее ораниенбаумском дворце. Выслушав подробные его рассказы, Елена Павловна пообещала ему свое содействие. Через своего личного секретаря гр. Е. Ф. Раден она передала Н. Н. Миклухо-Маклаю свою записку на имя в. кн. Константина Николаевича, генерал-адмирала русского флота и президента Русского географического общества, в которой просила дать особые указания командиру корвета об оказании содействия молодому ученому.

³ Главный командир Кронштадтского порта генерал-адъютант С. С. Лесовский был хорошим знатоком условий плавания в Тихом океане. В прошлом он был участником экспедиции Е. В. Путятина — плывал на фрегате «Диана» до гибели судна после симодского землетрясения в декабре 1854 г. Во время Гражданской войны в США в 1863 г. командовал эскадрой, появление которой у побережья северных штатов произвело большое впечатление во всем мире.

вестным берегам Новой Гвинеи для доставления туда русского натуралиста Миклухо-Маклая, имеющего целью проникнуть внутрь этой неведомой страны. Подобные известия, возбуждая внимание публики, открывают двери во все музеи даже не в установленные часы, чем я и успел воспользоваться, желая доставить случай офицерам и гардемаринам корвета ознакомиться с предметами, которыми наполняются музеи, тем более [такой], как Копенгагенский северознографический кабинет — единственный в Европе по своим коллекциям; познакомившись с директором музея г-ном Миллер⁴, он весьма обязательно предложил свои услуги показать и объяснить нам многое, чем мы и воспользовались, не будучи стесняемы посторонней публикой, г-н Миллер, показывая музей, можно сказать, прочитал нам краткую, но поучительную лекцию, объяснив в ней, какие предметы наиболее служат для определения рас и степени их развитости. При этом присутствовал г-н Миклуха, все офицеры и гардемарины, имевшие по уставу право быть свободными от судебных занятий. Откровенно говоря, эта лекция и осмотр музея впоследствии принесли нам большую пользу при собирании разных предметов от дикарей.

После посещения этого музея г-н Миклуха отправился на материк Европы, согласившись со мной, что он прибудет на корвет только в последнем из английских портов, откуда я должен буду выйти в океан, при этом просил уведомить его о времени отплытия корвета из Англии письмом в Гаагу.

Во время стоянки корвета на копенгагенском рейде я узнал из газет о затруднениях, возникших между Россией и Европейскими державами по поводу черноморского вопроса⁵. Немедленно я обратился к нашему посланнику в Копенгагене за инструкциями, но получив в ответ о неведении о подобных политических затруднениях, почему посланник предоставил действовать по собственному моему усмотрению; следствием подобного ответа было немедленное снятие с якоря для следования по назначению. О сем непредвиденном обстоятельстве я уведомил немедля г-на Миклуху-Маклая в Берлин и Гамбург, чтоб он торопился прибытием в Англию, где, по-видимому, долго оставаться нельзя. Это уведомление заставило его сократить свое пребывание на материке и прибыть в Плимут. По прибытии моем в Портсмут я был потребован телеграммой в Лондон для представления посланнику нашему барону Брунову, который хотя и выразил политическое положение в совершенно мирном духе, однако я понял, что терять время не следует, а потому немедля снялся с якоря и пошел в Плимут, чтобы сделать окончательный запас угля, провизии, принять Миклуху-Маклая и следовать затем по назначению в Тихий океан.

В бытность мою в Лондоне я встретился с прибывшим с континента Миклухой-Маклаем, который сообщил мне о восторженном приеме, сделанном ему всеми учеными обществами, а в особенности голландским правительством, так как оно имеет много колоний вблизи предполагаемого места высадки Маклая.

Наш посланник в Голландии Кноринг много содействовал Миклухе-Маклаю, взяв на себя труд рекомендовать его министру колоний. Министр снабдил Миклуху голландскими картами тех стран и письмом к батавскому губернатору, в котором просил оказывать ему всевозможное содействие. При осмотре карт я не нашел ничего нового, подобные же карты, только английского издания, имеются на корвете.

В бытность Миклухи в Гамбурге он был снабжен главой торгового дома Годафруа письмом, в котором поручалось всем агентам этого дома, находящимся на островах южного Тихого океана, содействовать Миклухе всеми имеющимися средствами, и в случае если Миклуха воспользуется каким-либо кораблем, то не взимать с него никакой платы за переезд или перевоз вещей. В Плимуте Миклуха-Маклай представил рекомендательное письмо директора гидрографического департамента морского министерства Семена Ильича Зеленаго, через посредство которого его снабдили от англий-

⁴ Как установил Б. Н. Путилов, здесь допущена неточность: г-н Миллер (правильнее: Моллер) не был директором музея, а одним из его сотрудников. Разъяснение получено из Копенгагена.

⁵ В 1870 г. русское правительство, воспользовавшись началом Франко-Прусской войны, объявило об аннулировании навязанного России в 1856 г. запрещения держать военный флот на Черном море. Англия стала грозить России новой войной, поэтому и решено было, чтобы корвет «Витязь» обходил стороной английские владения. Пришлось изменить курс: воздержаться от плавания к британским владениям на юге Африки (Кейптаун, Симонстаун и др.), пойти от островов Зеленого мыса к берегам Южной Америки, а позже воздержаться от посещения Австралии. Но эти предосторожности были излишними, так как Англия одна без союзников не решилась выступить против России.

ского адмиралтейства безвозмездно шестью диплотами, устроенными с чашкой для доставления грунта дна моря и к этим диплотам диплотлинем в 1000 сажень, особенно-го приготовления⁶.

Все вещи и инструменты, присылаемые на корвет на имя Миклуха-Маклая, принимались немедленно.

5 декабря прибыл из Лондона капитан 2-го ранга Казнаков и сообщил мне особые секретные инструкции для предстоящего плавания, вследствие которых я телеграфировал Миклухе о немедленном прибытии на корвет и на другой день утром 6 декабря снялся с якоря и вышел в океан.

На переходе до островов Зеленого мыса Миклуха-Маклай большею частью страдал морской болезнью; по прибытии на остров Сан-Винцент в залив Порто-Грандо он просил устроить ему на берегу моря палатку для различных наблюдений и собирания морских животных, но преимущественно губок, так как это его специальность, для изучения которой он уже сделал экспедиции в Красное море у берегов Абис[с]инии⁷. В один из первых дней нашего пребывания в Порто-Грандо, однажды гуляя с ним по берегу, мы остановились посмотреть подъем грузового бота, подводная часть которого была обита цинком и обросла морскими ракушками и животными, одно из движущихся животных обратило на себя мое внимание, и когда я его снял осторожно и показал Миклухе, то он нашел в нем совершенно новый вид губки, которую он сейчас же анализировал и препарировал; впоследствии в разговорах он часто мне напоминал, что все его поиски органичились только этим отличным экземпляром губки. Остальное время он употреблял на снятие типов местных жителей, помощью камера люцита⁸, таких экземпляров у него было много, и, должно сказать, все весьма удачно выполнены. После короткого пребывания его на берегу в палатке, поставленной у самой воды, Миклуха захворал лихорадкой, но болезнь была остановлена вовремя; по случаю болезни он поселился в наемной квартире на берегу.

Во время плавания от островов Зеленого мыса до Рио-Жанейро Миклуха делал наблюдения над температурой моря точно так же, как это исполняется на всех судах и ведется журнал, иногда он свои пробелы пополнял из судового метеорологического журнала. В широте около 3° N, воспользовавшись штилем, измеряли глубину моря и температуру воды на разных глубинах на 1000 (? — Б. П.) сажень помощью лотлиня и диплота, принадлежащего Миклухе, дна не достали. Также, пользуясь штилем, он рассматривал микроскопических морских животных, ловимых им помощью сеток и драг. Результат этих наблюдений должен находиться в его памятной книге. На этом же пути он анализировал и препарировал голову и мозг акулы *Sarcharias glaucus*⁹.

По прибытии в Рио-Жанейро он проводил время преимущественно на берегу и, сколько мне известно, заботился только о приобретении [рисунков] разных типов Бразилии и о редких рыбах, появляющихся на рыбных рынках для анализа мозгов, что, кажется, составляло тоже его специальность, потому что мне случалось видеть рисунки, сделанные им, и сравнивать с настоящим предметом, то я всегда находил поразительное сходство между изображением и оригиналом.

На пути из Рио-Жанейро в Магел[л]анов пролив, идя на малой глубине в 70 и 60 сажень, иногда и менее, Миклуха бросал несколько раз драгу для получения морских животных со дна моря, но бедность этих продуктов в этой местности заставили его бросить эти наблюдения.

Так мы прибыли в Санди Пойт [Пойнт] в Магеллановом проливе, где он воспользовался пребыванием прикочевавших в город погагонцев [патагонцев] и снял много типов, выполнив их поразительно верно и отчетливо. Кроме этого никакими наблюдениями не занимался. В это время ему пришла мысль совершить путешествие пешком из Санди-Пойта в залив св. Николая в Магеллановом проливе; губернатор колонии,

⁶ Диплот — глубинный лот (от английского «deer» — глубина), диплотлинь — специально изготовленный канат для глубинных измерений. П. Н. Назимов и старший офицер корвета П. П. Новосильский помогли Н. Н. Миклухо-Маклаю успешно использовать диплоты и диплотлини для различных океанологических исследований (подробнее см. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., М.—Л., 1952, т. III, ч. II, с. 320).

⁷ Подробные сведения об экспедиции в Красное море см. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. III, ч. II, с. 200—223, 353—362.

⁸ Камера-люцида — оптический прибор, изобретенный в 1809 г. Уолластоном, позволял делать зарисовки с натуры на бумаге.

⁹ *Sarcharias glaucus* Cuv. — голубая акула. Впервые подробно была описана Н. Н. Миклухо-Маклаем в его статье «Материалы по сравнительной неврологии позвоночных», изданной в 1870 г. в Лейпциге. См. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. III, ч. II, с. 33—123.

человек, знакомый с дикостью страны и дикостью потагонцев, а преимущественно зная зверство жителей Огненной земли в отношении к европейцам, всячески старался отклонить его от выполнения подобной идеи. Я со своей стороны, видя бесплодность подобного путешествия и имея поручение доставить его на берег Новой Гвинеи, только сим последним обстоятельством мог удержать его от этой прогулки, тем более что за несколько недель до нашего прихода жители Огненной земли умертвили четырех европейцев с английской шхуны, которую мы нашли стоящей на рейде Санди Пойт без команды. От Санди Пойта до Вальпарайзо Миклуха уже не страдал морскою болезнью и казался физически здоровым. На пути никаких наблюдений не делал, кроме снимания типов в заливе Conception и порте Тальягуана, где он даже приобрел от начальника тюрьмы фотографические карточки всех содержимых в тюрьме арестантов, к ним список с соответствующими с картами номерами и описанием преступлений и месторождения арестанта. Руководствуясь этим, он объяснил нам, что можно сделать наблюдения над сложением форм головы. Таких карт он получил около 200.

В Вальпарайзо Миклуха переехал с корвета на берег в Hotel, где и оставался все время, ездив по временам в Сант-Яго, где он познакомился с ректором университета г-м Домейко¹⁰. Это[т] весьма ученый и полезный деятель в Чили обратил внимание на Миклуху и всеми средствами старался познакомить его с всевозможными музеями, а преимущественно с минералогическим, так как Чили — страна минералов, а сам Домейко — известный минералог. Этот же Домейко опубликовал в газетах с пребывании в Вальпарайзо русского корвета, на котором натуралист Миклуха-Маклай отправляется к берегам Новой Гвинеи с целью остаться там для изучения страны. В бытность мою в Сант-Яго Миклуха-Маклай познакомил меня с почтенным ректором Домейко, так что и я мог воспользоваться его гостеприимством и его поучительной и приятной беседой. В Сант-Яго Миклуха приобрел фотографические снимки с идолов, привезенных с острова Пасхи. Эти снимки замечательны своей точностью с оригиналами; полагаю, что Миклуха сохранил их при себе, а не отослал в Европу.

Вследствие предписания ожидать в Вальпарайзо дальнейших инструкций о плавании корвета я простоял на рейде три недели. Последнюю неделю я заметил болезненное состояние Миклухи, но он не высказывал никогда о своих болях, но, выходя в море 21 мая 1871 года на пути к острову Пасха, болезнь сама высказалась, и он должен был оставаться в постели; трудновывечаемые болезни на берегу еще труднее вылечиваются в море, почему на всем пути до Новой Гвинеи он был лишен возможности делать какие-либо наблюдения¹¹.

9 июля пришел к острову Таити и встал на якорь в бухте Папенти; здоровье Миклухи требовало спокойствия и берегового воздуха, а потому он немедленно нанял себе помещение на берегу; несмотря на это, будучи уже в волнении от приближения к цели нашего плавания, выздоравливание шло не только медленно, но даже не улучшалось, почему к физическим болям, видимо, прибавился моральный упадок духа. При всем желании поддержать молодого человека не было никакой возможности, он становился раздражителен. Здесь на Таити я познакомил Миклуху с г-м Стюартом, который имея сношения с Сиднеем, взялся снабдить его товарами и деньгами по кредитиву, который имел Миклуха на Сидней; товары, приобретенные им, были преимущественно годные только для дикарей как по роду их, так и по качеству выделки, в Океании все цивилизаторы торгаши выписывают из Европы товары специально для дикарей, самого дурного достоинства, например ножи, которые не режут, каленкор или шертинг, который рвется под иглой, мыло, которое заключает в себе больше песку и земли, чем мыльных частиц, и т. п. Таких матерьялов Миклуха приобрел на сумму около 300 долларов. Между прочим собирали сведения о возможности сообщения островов Океании с Новой Гвинеей, но так как тут занимаются только обретением долларов, а не географией, то никаких сведений не получилось.

С Таити я отправился с корветом по просьбе господина Миклуха-Маклая на группу Самоа или Навигаторские острова к острову Уполу, где находится агент гамбург-

¹⁰ Игнацио Домейко — выдающийся чилийский геолог. Подробнее о нем см.: *Грицкевич В. П.* Игнатий Домейко. — Изв. ВГО, 1981, № 5, с. 447—451; *его же.* Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии. Минск. 1968, с. 96—119; *Amunategui M. L.* Ignacio Domeyko. Santiago — Chile, 1952; *Malankiewicz K., Turkowski T.* Domeyko I. — *Polski Słownik Biograficzny*, t. V/4, z. 24, s. 313—318.

¹¹ Здесь идет речь только об океанографических исследованиях. Несмотря на свою болезнь, Н. Н. Миклухо-Маклай продолжал проводить другие наблюдения. И это позволило ему написать ряд статей и специальных заметок об островах Пасхи, Питкерн, Таити и Уполу. См.: *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч., т. I, с. 45—72.

ского дома Годафруа, от которого Миклуха имел род предписания агентам этого дома содействовать ему во всем безвозмездно. Через 10 дней я бросил якорь на рейде Уполу и сейчас же объявил г-ну Миклухе-Маклаю, что от этого пункта до Японии нет больше пунктов, где бы я смог пополнить запас провизии и топлива, а потому по моему расчету, если идти к берегам Новой Гвинеи, то я больше 9 дней оставаться здесь не могу, и то провизия рассчитывается день в день, иначе у меня не останется провизии до Нагасаки, чего я не имею права допустить. Предупредив его о столь важном обстоятельстве и видя, что он сам находится в самом плачевном состоянии здоровья как физически, так и морально. Последнее заметно выказалось упадком духа по приближении к цели. Я старался убедить Миклуху, чтоб он с Самоа отправился с нами на корвете в Японию, где он восстановит свое здоровье и потом, спускаясь постепенно к югу, на что он будет иметь много случаев на военных судах, познакомится постепенно с трудностями путешествия и с языком папуасов и даже приобретет в спутники людей, знающих язык папуасов и какой-нибудь европейский, и тогда польза его путешествия будет несомненная. Самолюбие его останавливало согласиться на мое предложение, хотя все общество офицеров его убеждало, что если он так поступит, то это они припишут ничему другому, как только его благоразумию. Итак, ни состояние его здоровья, ни убеждения не остановили его стремлений, и он начал готовиться, приискивая себе слуг. Агент дома Годафруа г-н Вебер отыскал ему двух слуг, один швед матрос, имя его Wilson, по-видимому, честный и добрый человек, шедший в услужение с истинным желанием угождать во всем и быть действительно полезным¹², другой — дикарь по прозванию Бой, татуированный житель острова Ниу [Ниуз], не понимающий никакого языка, но вызвавшийся тоже ему сопутствовать. Г-н Вебер, посылающий ежегодно несколько судов на острова Анахорет [Хермит], лежащие к северу от Адмиралтейских островов, и на остров Гановер [Новый Ганновер, теперь — Лавонгаи] за жемчугом и кокосами, имел сведения, что жители там не миролюбивы, канибалы и хитры и чтоб г-н Миклуха имел это в виду. Про берега же Новой Гвинеи ничего сообщить не мог, так как они вовсе не посещаемы европейцами, хотя страна и обещает много богатств.

В 9 дней Миклуха, приобрета еще огромное количество разных запасов для меня с дикарями, перебрался на корвет, будучи еще совершенно болен и пораженный язвами злокачественного свойства.

На пути до берегов Гвинеи наблюдений никаких не производил. Наконец, 7 сентября я подошел к Новой Гвинее, берег открылся, и тогда Миклуха увидел, какие трудности ему предстоят для проникания внутрь страны. Пять хребтов, начиная от морского берега, возвышались один за другим и один выше другого, на вершинах последнего, видимого хребта, лежали облака.

В 4 часа пополудни мы подошли к выдающемуся в море берегу и могли усмотреть, что это устье реки, закрытое несколькими островами; я остановил ход для более подробного осмотра местности с предложением, не желает ли он остановиться здесь, так как это место представляет много выгод для первого раза и лежит прямо на пути судов, так что всегда будет возможность усмотреть корабль или быть замеченным проходящим кораблем, а также устье реки показывает возможность хотя сколько-нибудь подняться вверх и, может быть, даже достичь большой реки, из которой эта вытекает.

На островах мы видели жилища, лодки жителей и огни в жилищах.

К наступившей ночи Маклай заявил, что он не желает и смотреть этой местности, а чтобы я доставил его в залив Астролябия, где он намерен искать себе место для поселения.

8 сентября в полдень мы подошли ко входному мысу Rigny в залив Астроляб, идя по заливу по лоту, мы не доставали дна 100 саж. диплотлинем. Придя в небольшую бухту в вершине залива Астроляб, на глубину 24 саж. бросили якорь.

По составлении карты залива Астроляб бухта, в которой было якорное место, названа мною порт Великий князь Константин, в память дня начала ее описи, именно 9 сентября¹³.

¹² Willson (правильнее Олсон; Миклухо-Маклай называл его Ульсоном) — нанятый на Самоа матрос с китобойного судна. Как видно из вахтенного журнала корвета «Витязь», звали его Карлом.

¹³ 9 сентября — день рождения в. кн. Константина Николаевича. По этому случаю в бухте Астролябия был произведен салют в 21 выстрел. Назимов в своем рапорте писал: «Это был первый пушечный гром, раздавшийся эхом по горам Новой

Встав на якорь, немедленно была дана четверка в полное распоряжение Миклухи-Маклая, на которой он сейчас же отправился со своими слугами вдоль берега залива осматривать местность; по возвращении на корвет Миклуха не указал места, предполагаемого для жилья, но рассказал случай в одном из селений о неприязненности жителей. В этот же день мною было объявлено Миклухе согласно прежних моих расчетов, что я не могу оставаться в заливе больше семи дней, т. е. 15 сентября я должен сняться с якоря, а потому прошу его поторопиться выбором места, чтоб я имел возможность воздвигнуть ему требуемую постройку для жилья и выполнить другие работы касательно его помещения, имея в виду, что я должен еще нарубить себе дров полный запас, что нелегко выполнить в густом лесу с вековыми деревьями.

Залив Астроляб оказался густо населенным по всему берегу, но селение за лесом не видно, потому что находится в некотором расстоянии от берега в густоте леса, близость селений можно было видеть по челнокам, выгашенным на берег.

На другой день прихода я пригласил Миклуху-Маклая вместе со старшим офицером корвета отправиться вдоль берега для избрания места для устройства жилья. Мы объехали довольно большое пространство и рассматривали места, критикуя их со всех сторон, чтоб не впасть в ошибку при выборе, но Миклуха-Маклай был совершенно иного с нами взгляда на местность и не согласился принять указанную нами местность, которая больше или меньше, но обещала более здоровое место, чем то, которое избрано им самим; не желая противоречить его собственному убеждению, а желая только сделать по возможности лучше для него, мы немедленно приступили к очистке избранной им местности и постройке дома.

Итак, часть офицеров и гардемарин неотлучно помогала успешному ходу работ на берегу, тогда как другие были заняты рубкой дров, работами по корвету и одна постоянная партия независимо занималась гидрографическими работами. Во все время работ Маклай бравировал своим здоровьем, несмотря на просьбы и убеждения офицеров, которые просили его только указывать, что он желает сделать, а что выполнение они берут на себя, предоставляя ему таким образом все время на изготовление и подразделение вещей, которые должны остаться с ним и которые будут отосланы на корвет в Японию, и даже в этой работе все принимали горячее участие своим трудом, лишь бы он сам сохранил свои силы и здоровье, которые должны были быть главным задатком для успеха его предприятия. Но ничто не делалось так, как ему предлагалось. Через несколько дней слуга Маклая швед Wilson захворал лихорадкой, но все-таки не переставал усердно работать, приготавливая будущее свое жилье. Этот слуга в короткое время пребывания с нами заслужил общее одобрение через свою услужливость, а мне он заявил с самым христианским чувством, что он будет ухаживать и охранять Миклуху-Маклая до последней минуты своей жизни. Другой слуга, дикарь, был более или менее ленив, но зато сродный с дурными климатическими условиями, не боялся спать просто на земле и вообще не подвергался губительной лихорадке.

Местность, избранная для жилья, находится от якорного места «Витязя» на ближайшем небольшом мысе. Для безопасности от внезапного нападения дикарей расчистили площадь сажень тридцать в диаметре; на окраине, ближайшей к заливу, в нескольких сажнях от берега по указанию самого Миклухи-Маклая выстроили домик из досок, купленных им в Уполу с прибавкой лесных материалов из судовых, так как не было времени и возможности рубить сырые вековые деревья и пилить их на доски. Дом поставлен на сваи высотой фут пять, выходы сделаны с двух противоположных поперечных стен как для вентиляции, так и для возможности ретироваться без труда в случае нападения. Вообще при постройке дома при всех соображениях бралось в расчет нападение и меры защиты. Так, например, дом окружен шестью минами, от которых проводники идут все в дом; расположены мины в приличном расстоянии от дома по окружности в местах, через которые больше вероятия, что дикари должны пройти, если вздумают делать нападение массой¹⁴.

Гвинеи, во ознаменование чего я назвал бухту, место нашей якорной стоянки, бухтой великого князя Константина» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. № 3207, л. 147 об.).

¹⁴ Сведения об установке мин имеются и в официальном рапорте П. Н. Назимова от 29 октября 1871 г. Вот отрывок рапорта, непосредственно относящийся к исторической высадке Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее: «8/20 сентября приблизилась к заливу Astrolab, который вовсе не описан, а определены только его входные мысы капитаном Дюпере.

За домом в стороне леса между двух больших деревьев расположена скрытая яма для хранения пороха, который уложен в медный пороховой ящик, отпущенный ему с корвета. Место ямы определяется шагами: от правого дерева (на этом дереве вырезана фамилия плотника Гончарова) 5 шагов и от левого $4\frac{1}{2}$ шага; яма находится в пространстве между этими деревьями и домом.

Мины расположены от дома в расстоянии шагов пятнадцати по разным направлениям. Под домом вырыта обширная яма, вмещающая в себя большую часть его ящиков с различными материалами. Вообще местность, где расположен дом и ямы, так невелика, что не представляет никакой трудности отыскать, если Миклуха-Маклай зарыл что-либо в землю в случае своего отправления в экспедицию. Около дома поставлены солнечные часы, устроенные и установленные подпоручиком [младшим штурманом Павлом] Кошелевым.

По обоюдному моему условию с Миклуха-Маклаем мы избрали место для зарытия небольшого ящика с более важными документами и запиской, в которой он должен объяснить, куда отправился, когда прибудет и не нуждается ли в чем. Это место находится против дома на противоположном песчаном мысе, который назван мыс Обсервации. Для легчайшего отыскания места условились положить на поверхность земли камень так, чтоб можно было обратиться на него внимание.

В числе вещей, имеющих с ним в доме и под домом в яме, можно указать следующие: несколько термометров Cassella для больших глубин. Anerонд барометр Cassella. Большое количество столярных и слесарных инструментов. Камера люцита. Хирургические инструменты. Ареометры Никольсона¹⁵. Два двухствольных ружья. Одно одноствольное. Ружье-револьвер. Два кинжала. Два револьвера. Карманные золотые часы с золотой цепочкой. Шагомер. Прибор для измерения количества испаряемой воды. Ящик с аптекой, в которой находятся два флакона с сильным ядом, на флаконе изображена мертвая голова. Большое количество флаконов и банок со стеклянными пробками, для коллекций спирт в бутылках. Много разных товаров для подарков дикарям. Немного белья и одежды. Мебель вся складная, в числе которой находятся два складные кресла, подаренные Миклухе ее имп. выс. Еленой Павловной.

Книг на разных языках очень много. Много других разнокалиберных предметов.

В случае следов насильственного исчезновения Миклухи-Маклая можно принять к сведению, что у жителей, расположенных по заливу, не имеется никаких европейских предметов и никаких металлов, кроме полученных с корвета «Витязь», которые легко можно отличить по их виду от тех, которые перешли к ним от Маклая.

На случай, если Маклай будет поставлен в необходимость удалиться с материка куда-нибудь водой, оставлена ему четырехвесельная шлюпка со всеми принадлежностями и парусами, весьма надежная и безопасная, и парусиновая палатка, удобная для трех человек, которую он может взять на шлюпку и поставить везде, имея только шлюпочные принадлежности. Как для шлюпки, так и для обозначения места его жилья оставлен ему трехцветный флаг (белый, синий, красный).

Так как Миклуха-Маклай, должно быть в забывчивости, не озаботился о запасе провизии для себя и слуг, то офицеры уделили от себя все, что могли, будучи сами в весьма стесненном состоянии относительно провизии, и я приказал ему выдать одно-

Путешественник Миклухо-Маклай, избрав эту местность для своего первоначального пребывания, просил вдаться в залив и избрать место для его жительства. Залив оказался весьма углубившимся во внутрь острова, заселенный дикарями папуа по всему протяжению своих берегов. Избрав более удобное и безопасное для корвета якорное место, в 3 ч. пополудни бросил якорь на глубине 26 саженей в 75 саженях от берега. У самого берега глубина оказалась в 6 саженей.

Напротив места якорной стоянки корвета г. Маклай избрал место на берегу для своего жительства. От корвета были даны все средства к устройству жилья и защиты его от нападений дикарей. В течение пяти дней было употреблено 110 чел. рабочих, не считая гребных судов. Расчистили местность кругом его дома на 30 саж. в диаметре от девственного непроходимого леса. Сделали кругом дома в некотором расстоянии шесть мин и вполне вооружили и зарядили их на случай нападения дикарей; проводники провели все в его дом и научили, как ими действовать» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3207, л. 146). По утверждению Н. Н. Миклухо-Маклая, его дом строился из досок, купленных им не на о. Уполу (острова Самоа), а на Танти (см.: *Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.*, т. I, с. 84). Мины были установлены под руководством старшего артиллерийского офицера лейтенанта Сергея Чирикова.

¹⁵ Позднее Н. Н. Миклухо-Маклай с горечью отмечал: «Два моих превосходных ареометра (для измерения плотности воды) и барометр-анеронд прибыли в Новую Гвинею испорченными» (*Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.*, т. III, ч. II, с. 305). Некоторые приборы были изготовлены в лондонской мастерской Л. Касселла.

дневную полную порцию всей команды, т. е. 300 порций всего, что полагается матросу. Миклуха-Маклай не пожелал принять безвозмездно и внес за провизию деньги.

При себе оставил Маклай два кредитива на Сидней, один кредитив в 150 фунт стерл. и второй на 100 фунт. Кроме всего этого, отправлено им на корвет для доставления в Японию в Нагасаки нашему консулу для хранения ящик¹⁶ и деньги, инвентарь этих вещей и денег имеется в консульстве, а копия с инвентаря и расписка в получении их отосланы мною в Петербург другу Маклая князю Александру Александровичу Мещерскому, живущему в Петербурге на Сергиевской улице, дом Фадеева, № [пропуск].

Все сведения о Миклухе сообщались по его просьбе секретарю Географического общества барону Остен-Сакену. Адрес матери Миклуха-Маклая — Екатерины Семёновны Миклуха-Маклай в Петербурге: Васильевский остров, по Малому проспекту между 3 и 4 линиями, дом Колпаковой, квартира № 2. В случае перемены места жительства обратиться к князю Мещерскому или барону Остен-Сакену, который имеет жительство в Петербурге в Большой Морской, дом Министерства иностранных дел.

15 сентября я оставил Миклуху-Маклая в порте Великий князь Константин; при уходе корвета Миклуха салютовал флагом на мачте, поставленной на берегу к дереву, стоящему на мысе его местожительства. Состояние здоровья Миклухи в день отправления корвета было неудовлетворительно, были уже признаки лихорадки и усталости, может быть, по уходе корвета он даст себе отдых, как ему советовали. Слуга Willson хотя и работал, но уже жаловался на лихорадку. Дикарь Бой был совершенно здоров.

По приходе корвета на Марианские острова в порт St Louise d'Apra на острове Гуам я обратился к губернатору испанской колонии полковнику Luis de Ibañez с письменной просьбой, в которой, объяснив о местопребывании Миклухи, просил сообщать всем командирам судов, заходящих в Арга, что если им придется проходить мимо берегов Новой Гвинеи, то чтобы заходили в показанную местность для справок о Маклае и в случае надобности для оказания ему посильной помощи, за что как правительство, так и общество будут им благодарны. В том же письме выражено, если получатся какие-либо сведения о Маклае, то прошу сообщать в Петербург в Русское географическое общество на имя секретаря общества. Письмо это губернатор колонии принял весьма благосклонно и послал в Маниллу отпечатать во всех местных газетах на Филиппинских островах.

По приходе корвета в Нагасаки я писал в том же смысле нашему консулу в Сидней, прося сообщить командирам китобойных судов, идущим к берегам Новой Гвинеи. Также сообщено письмом командиру итальянского корвета «Vettor Pisani» графу Лавера, который предполагает идти к берегам Новой Гвинеи.

В Маниле я встретился с германским натуралистом Adolf Meyer¹⁷, путешествующим с этой же целью, как и Миклуха-Маклай, в Филиппинском архипелаге и далее к югу и имеющего тоже цель достигнуть Новой Гвинеи; я просил г-на Мейера сообщить всем, когда ему случится быть в близлежащих местностях в Гвинею, что в таком-то месте находится русский натуралист и, если возможно, то посещать его и доставлять сведения в С.-Петербург в Русское географическое общество. Если встретится надобность уведомить или списаться с г-ном Meyer, то адресовать письма ему в Сингапор: Adolf Bernhard Meyer. Care of M. Behn Meyer Comp. или: Австрия, Вена, Wailfischgasse 11. Care of M. Bertha Meyer (мать г-на Мейера).

Август 18/30 1872 г. Рейд Нагасаки. Капитан 2-го ранга Назимов, кор. «Витязь».

¹⁶ Вещи Н. Н. Миклухо-Маклая хранились в русском консульстве в Нагасаки до 1882 г. Потом по просьбе Миклухо-Маклая консул Рюмин их переслал в Сидней. Прежний консул в Нагасаки Костылев писал 1 декабря 1883 г. Н. Н. Миклухо-Маклаю: «До сих пор Ваши ящики хранились здесь совершенно аккуратно, в ожидании, что Вы сами приедете сюда и возьмете их или же сделаете распоряжение о дальнейшем их значении» (Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 143, оп. 1, д. 30, лл. 20—21 об.).

¹⁷ Адольф Бернгард Мейер (1840—1911) — австрийский этнограф, опубликовавший впоследствии целый ряд научных работ о Новой Гвинеи и Филиппинских островах. Главные из них: *Anthropologische Mittheilungen über die Papua von Neu-Guinea*. Wien, 1874; *Übersicht der von mir auf Neu-Guinea und den Inseln Jobi, Misore und Mafoor im Jahre 1873 gesammelten Amphibien*. Berlin, 1874; *Über drei neue Neu-Guinea entdeckte Papageien*. Wien, 1874; *Album von Papua-Tipen*. Nord Neu-Guinea, Bismark Archipel, Deutsche Salomo Inseln. Dresden, 1900; *Die Philippinen*. Dresden, 1890, 1893; *The Distribution of the Negritos in the Philippine Islands and Elsewhere*. Dresden, 1899, и др.